

Из воспоминаний И. Е. Вощанова,
участника строительства железной
дороги Ижевск-Балезино

1942-1943 гг.

Родился я в селе Русские Адам-Учи в 1927-м, так что Великую Отечественную войну встретил в 14-летнем возрасте.

...В первую военную зиму я в основном работал на вывозке зерна. И днем и ночью шли обозы, груженные зерном, до станции Кизнер. Люди и лошади отдыхали по 2-3 часа, рассчитанных на погрузку и разгрузку мешков. Обратный путь был тоже нелегок: вели эвакуированных женщин, детей, стариков. С голодными и полураздетыми, вырванными войной из родных мест людьми мы делились последним куском хлеба. Особенно жалко было одну женщину, которая потеряла во время эвакуации ребенка, а на руках было еще двое голодных и больных детей. Навсегда останется в памяти эта обезумевшая от горя женщина.

Весной 1942 года, по окончании посевных работ в колхозе, нас мобилизовали на строительство железной дороги Ижевск-Балезино. Всего выехало 30 человек с 7 лошадыми. В основном это были подростки и призывники 1924 года рождения. На каждую лошадку приходилось пять человек пеших. Опекали нас пожилые люди, повидавшие на своем веку многое - Верховиева Марина Яковлевна и Иван Михайлович Кодоичков. На каждый воз были погружены два центнера фуражного овса для лошади и по два пуда продуктов на каждого рабочего: муки, картофеля и печеного хлеба. Так что ехали шагом бегом с таким возом лошадей не погосишь.

Сбор всех строителей был в Грахово у здания райисполкома. После обеда, когда были улажены все вопросы с отправкой, мы двинулись в дальний путь. О количестве участников строительства железной дороги может сказать тот факт, что обоз растянулся на несколько километров: первые уже въезжали в Яги-Канси, а последние только что покидали Грахово. До села Кекоран добирались целую неделю. Поселились мы в огромном лагу; вблизи от села. Построили временное жилье - дощобие полуземлянок. В вырытые ямы поставили столбы, сверху нажидали жердей и укрепили все это хвойными лапами. Внутри выкопали нары и укрыли их так же, как и крышу. На такой жесткой постели и спали вповалку до 30 человек. Землянки эти были внушительных размеров. Перед входом всегда горел костер, на котором дежурные готовили пищу.

Работали весь световой день, копали землю и засыпали ею лог. Везли грунт от церкви, поэтому под раскопкой попали старые могилы.

В сильную летнюю жару от этого стоял смрадный запах повсюду. Техники никакой не было, спецодежду не выдавали, а работали за кусок хлеба. В тот год выдавали по 800 граммов на человека. Вечером возвращались с работы в свой огромный "цыганский табор". Разноголосый шум, смех, песни, нередко кое-где играла гармонь... Мы были молодыми, поэтому находили время и повеселиться.

Так работали около двух месяцев. В бане ни разу не мылись, обовшивели, все тело в коростах. Чтобы избавиться от вшей, прожаривали одежду в дыму над костром. Все без исключения поносилось, одежда и обувь превратились в лохмотья. Подошли к концу и съестные припасы, лошадей тоже нечем стало кормить, а домой нас все не отпустили. Постепенно народ стал разъезжаться тайком, по ночам. Вскоре и мы двинулись на родину полуголодные и измученные. Питались в дороге послевоенной рожью (растирали колосья и ели зерно), а в деревнях ходили по домам и выпрашивали или кусок хлеба, или картофель. Уже неорганизованно, кто как мог, мы вернулись домой. В дороге с голоду погибло много лошадей. Среди немногих, кого помню, вернулись в село Русские Адам-Учи Анна Немтырева и Валентина Васильевна Стрикова. Первая до сих пор живет в родном селе, а вторая - в Ижевске. Многие из тех строителей уже умерли, другие разъехались по необъятной стране.

Вторая мобилизация на строительство дороги была в этом же 1942 году после завершения уборки урожая. Глубокой осенью мы оказались вновь на Кекоранском участке. Жили в деревне Суровой, ютясь на квартирах; в землянках на этот раз никто не жил. Условия работы были намного сложнее летних. Земля была застывшая, кругом лежал снег, ее долбили ломанами, железными клиньями с кувалдой. Производительность нашего труда была очень низкой. С неделю маялись, пока кто-то не придумал обогревать землю с помощью костров. Напилив в лесу сушняк, згли большие костры на месте работы. Специальные ночные смены строителей готовили таким образом для нас фронт работы на день. И так работали до конца декабря: ночью - костры, а днем - взвозка талой земли.

Вскоре граховских строителей перебросили на другой участок за 25-30 километров от Кекорана. Жили в каком-то поселке бывшего леспромпхоза в бараках, насквозь промерзавших и покрывавшихся изнутри и снаружи инеем. Работали на этот раз в лесу, прокладывая просеку. Многие уже не помню, но вместе с нами работала Ольга Ивановна

Ватлина, моя односельчанка (это мать Нины Яковлевны Коробовой).

Зима 1942-43 годов была лютой, а нам даже негде было просушить мокрую одежду и обувь после работы. Портянки сушили своим телом, подкладывали под себя на нары вместо простыней. В этой поездке, длившейся недели две, заболела и погибла моя лошадь.

Отдохнув немного дома, мы снова были направлены на строительство указанной дороги. Проработали три месяца, с февраля по апрель 1943 года. Проживали на станции Локнуля, что за Ижевском, я квартировал с сельчанами у женщины-татарки, которая плохо говорила по-русски. Имела она двух малолетних детей, а хозяин был на фронте. Работали в этот раз на рубке леса, опять пробивали просеку. Пайку хлеба выдавали только при условии выполнения нормы, поэтому работали весь световой день, "прихватывая" и вечерние часы.

В этой поездке ковали ямы для телефонных столбов на трассе, на все ушло около трех недель. Норма была на человека - за смену одна яма. В мерзлом грунте это сделать не очень-то просто. Пригодился опыт размораживания земли на Кежоранском участке...

"Сельская новь" (Граховский район). - 1993. - 20 ноября.